

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

Спустя несколько дней ему исполнится 85 лет. Он обаятелен, остроумен и деловит. Народный артист России, кавалер всевозможных наград и званий, почетный гражданин Читы Олег Леонидович ЛУНДСТРЕМ — наш неувядающий джазовый патриарх.

— Олег Леонидович, а вы помните, когда и где вас заразила «джазовая бацилла»?

— Конечно, помню. Дело было в Харбине, в 1933 году. Я рос в интеллигентной семье. Дома часто музицировали — считалось, что культурные люди должны не только читать Флобера или Чехова, но и уметь сыграть бетховенскую скрипичную сонату, этюд Шопена, несложный гайдновский квартет... Однажды я зашел в музыкальный магазин, чтобы прикупить к какой-то предстоящей вечеринке стопку новых дисков. Поставил одну пластинку, другую... И вдруг — никогда прежде не слышанные звуки! Ошеломляюще новое звучание, отличный ритм. На этикетке написано «Оркестр Дюка Эллингтона». Вы скажете, что в 1933 году это имя было уже известно всем? Ничего подобного! Популярны были лишь чисто танцевальные, так называемые «коммерческие» составы — Тедди Льюис, Ги Ломбардо, Пол Уайтман. Так что в Харбине открыл Эллингтона именно я. На поразившей меня пластинке, кстати, была пьеса «Старый, добрый юг». Мы с друзьями прослушали ее потом сотни раз, а когда через год решили организовать свой оркестр (причем я был единогласно «избран» его дирижером), она, разумеется, вошла в наш репертуар.

— Вы услышали пластинку Эллингтона — и возник молодежный биг-бэнд...

— Эта дата (1934 год) попала даже в Книгу рекордов Гиннеса как год основания старейшего джаз-оркестра мира. Правда, в новом издании цифру придется менять — ведь в ноябре нам исполнилось уже 65! Сначала нас было всего девять человек: общепринятый стандарт начала 30-х годов. Три кларнета-саксофона (А. Онопук, Вл.

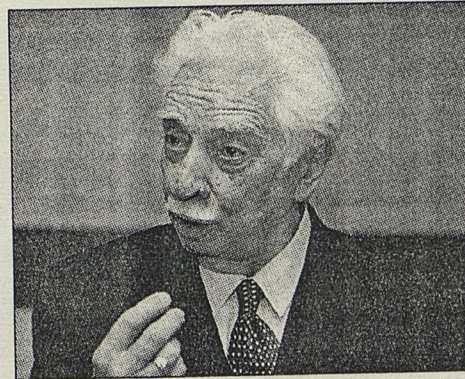
Серебряков, И. Лундстрем), две трубы (Вит. Серебряков, А. Котяков) плюс тромбон (А. Миненков) и ритм-группа (А. Гравис — контрабас, банджо, И. Уманец — ударные и О. Лундстрем — рояль). Потом, конечно, состав увеличился. Играли мы популярные американские песенки — на танцах и балах. Было почему-то очень много балов — пасхальных, рождественских, новогодних, по поводу окончания школ и гимназий. Звуковое кино только начиналось, ленты были в основном американские. Мы подхватывали все ме-

Бак Клейтон нас запомнил! Видимо, смог как-то «сфотографировать» памятью. Много лет спустя, когда в 1991 году я с оркестром приехал на концерты в США, он узнал меня!

В Россию мы вернулись из Китая в 1947 году. Хотя сначала пытались сделать это еще в 1937-м. Но не получилось. Генконсул Ерофеев сказал: «Понимаете, у нас там сейчас сложности — разоблачили каких-то троцкистов и поэтому выдача виз на время прекращена. Но вы не волнуйтесь, мы скоро все выясним и вам сообщим». То есть,

лись, репетировали, делали записи для радио.

— В 50-е годы в вашем оркестре появляются новые лица — саксофонисты Гаранян, Зубов, Албе-

шведских корней не могу, потому что у меня фамилия шведская. Но считаю себя русским — даже мой дед, который был стопроцентным шведом, женившись на русской женщине, сказал: «Имейте в виду, что я — русский и все мои дети — русские». Потому что он успел впитать в России русскую культуру. Посол Швеции — историк по образованию. И когда директор нашего оркестра Саша Брыксин подарил ему ежегодное издание «Знаменитые люди Забайкалья», а там оказались биографии и моя, и отца, и деда, и даже прадеда, он воскликнул: «Я как историк открыл для себя новую страничку Сибири!» Через несколько лет Чита отмечает свой юбилей — и в одном новом районе будет открыта «Улица Лундстремов».

— Олег Леонидович, в вашем биг-бэнде проиграло три поколения музыкантов. И вот сегодня значительная часть ваших музыкантов представляет новое — четвертое!

— Леша Зубов, наш ветеран («второе поколение»), услышав нас недавно в Лос-Анджелесе, отметил: «Четыре поколения, но играют как единая, четко отлаженная машина!» Кто же эти молодые дарования? Саксофонисты Моспан, Швытов и Румянцев. Трубачи — элегантный лидер Владимир Мамыко, «верхолаз» Анатолий Васин и совсем новая фигура — Виталий Головнев. Барабанщик Владимир Журкин, изумительный кларнетист и баритон-саксофонист Иван Волков...

— Вам посчастливилось прожить такую большую, насыщенную джазовую жизнь? Вообще — вы счастливый человек?

— Вы знаете, как меня называла моя покойная жена? «Ты — неисправимый оптимист!»

Беседовал
Аркадий ПЕТРОВ.

Второй век —

с Лундстромом

...Зал ЦДРИ забит публикой до предела. На сцене девятнадцать музыкантов. Сегодня программа из «исторической» серии — свинг от Бенни Гудмена и Эллингтона до Гюнтера Шуллера и Гила Эванса. Эволюция биг-бэнда... Вот трубач Юрий Парфёнов «выстреливает» упругую фанфару, шальной вступительный росчерк из Bugle Call Rag («Зова сигнального рожка» Бенни Гудмена)...

лудии со слуха. Потом стали продаваться первые партитуры. Был там один бизнесмен, который издавал джазовые ноты, причем, насколько помнится, без «копирайта», то есть пиратским способом. Но партитуры его шли нарасхват, потому что в шанхайских танцзалах играло уже два десятка оркестров, включая американские. Мы услышали тогда трубача Бака Клейтона — будущую звезду оркестра Каунта Бэйси. И представьте себе —

честно говоря, человек нас просто спас. Хороши бы были мы, явившись домой в самый разгар московских процессов над вредителями! Вернулись мы домой окончательно лишь в декабре 1947-го. И попали в Казань. Из нас хотели сделать Эстрадный оркестр Татарии — концертный коллектив при филармонии. Но помешало постановление ЦК ВКП(б) по поводу оперы «Великая дружба». Так что трубачей, тромбонистов и кларнетистов передали в оперный театр и симфонический оркестр, саксофонистов — в кинотеатры (играть попури из советских песен перед сеансами), а остальных — в рестораны. Вот тебе раз! Зато все мы остались в Казани, собира-

гов, тромбонист Бахолдин... Это были поклонники более новых направлений джаза — бибопа, кула... Смогли ли они найти общий язык с «шанхайцами»?

— Они были яркими импровизаторами, что я лично очень ценил. Да, к нашей «архаичной» музыке Гаранян и Зубов относились с легкой иронией, но в целом уважали ее. То есть взаимопонимание было найдено мгновенно.

— Вы ощущаете свои шведские корни?

— Интересный вопрос. В частности, и для посла Швеции в России господина Свена Хирдмана. Посол спросил: ощущаю ли я себя шведом? Я объяснил, что не чувствовать своих

Лундстрем Олег
Леонидович

30.03.2001